

Информация для цитирования:

Очиров Б. В. Население Большедербетовского улуса Калмыкии в условиях перехода к оседлости во второй половине XIX века / Б. В. Очиров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 455—471. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-455-471.

Ochirov, B. V. (2023). Population of Bolshederbetovskii Ulus of Kalmykia during Transition to Settled Life in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 455-471. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-455-471. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-455-471

Население Большедербетовского улуса Калмыкии в условиях перехода к оседлости во второй половине XIX века

Очиров Баатр Викторович
orcid.org/0000-0002-3471-8008
главный специалист
научного отдела
ochirov.baatr@yandex.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-18-20019
«Между Востоком и Западом:
цивилизационно-культурное развитие
калмыцкого кочевого общества
в составе дореволюционной России»

Population of Bolshederbetovskii Ulus of Kalmykia during Transition to Settled Life in Second Half of 19th Century

Baatr V. Ochirov
orcid.org/0000-0002-3471-8008
chief specialist
of the scientific department
ochirov.baatr@yandex.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-18-20019
“Between East and West:
civilizational and cultural development
of the Kalmyk nomadic society
within pre-revolutionary Russia”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится анализ экономического состояния калмыцкого общества в Большедербетовском улусе Калмыкии в условиях интенсивного процесса перехода к оседлости (на оседлый образ жизни). Процесс перехода на оседлость определил важные структурные изменения хозяйственного уклада номадов. Автором проводится сравнительная характеристика изменений в ведении животноводства калмыками Большедербетовского улуса во второй половине XIX века. Рассматривается процесс постепенного развития земледелия в калмыцком обществе. Основной вывод данной статьи заключается в том, что на всем протяжении второй половины XIX века шло постепенное обеднение кочевого калмыцкого населения, которое было вызвано изменениями их традиционного уклада жизни, сокращением территориального пространства для выпаса скота — важной хозяйственной культуры номадов. Постепенно основная масса кочевников-простолудинов переходила в разряд сельскохозяйственного пролетариата и стала источником дешевой рабочей силы в регионе. Расширение общероссийского рынка и включение в него региона степного Предкавказья, освоение крестьянами степных территорий, активная политика царского правительства в отношении к кочевникам и их перехода на оседлость определила структурные изменения хозяйственного и общественного уклада номадов.

Ключевые слова:

калмыки; Большедербетовский улус; хозяйство; переход к оседлости; динамика животноводства; земледелие; крестьянская колонизация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the economic state of Kalmyk society in the Bolshederbetovskii Ulus of Kalmykia during the intensive process of transition to settled life. This transition led to significant structural changes in the economic system of nomads. The author provides a comparative analysis of the changes in animal husbandry practices among the Kalmyks in the Bolshederbetovskii Ulus during the second half of the 19th century. The gradual development of agriculture in Kalmyk society is also examined. The main conclusion of this article is that throughout the second half of the 19th century, there was a gradual impoverishment of the nomadic Kalmyk population due to changes in their traditional way of life and a decrease in available grazing land, which was a crucial aspect of their economy. As a result, the majority of ordinary nomads became part of the rural proletariat and served as a source of cheap labor in the region. The expansion of the all-Russian market and the inclusion of the steppe regions of the North Caucasus, as well as the settlement of peasants on these lands, along with the active policies of the Tsarist government towards nomads and transition to settled life, shaped significant structural changes in the economic and social structure of nomadic society.

Key words:

Kalmyks; Bolshederbetovskii Ulus; economy; transition to settled life; dynamics of animal husbandry; agriculture; peasant colonization.

Население Большедербетовского улуса Калмыкии в условиях перехода к оседлости во второй половине XIX века

© Очиров Б. В., 2023

1. Введение = Introduction

Во второй половине XIX века регион степного Предкавказья входил в новую фазу освоения. С одной стороны, этому способствовала правительственная программа, направленная на привлечение номадов к оседлости, с другой — масштабная колонизация крестьянами степных регионов. Калмыки Большедербетовского улуса были непосредственным объектом российской администрации по привлечению к оседлости и главным субъектом, с кем вступали в тесный контакт крестьяне-переселенцы. Процесс перехода на оседлость для калмыков определил их будущее социально-экономическое развитие. В экономическом плане переход к оседлости кочевников привел к трансформации их хозяйства. Калмыки стали заниматься земледелием, садоводством и огородничеством. Претерпела изменения также традиционная отрасль хозяйства — животноводство. В связи с этим целью данной статьи является анализ динамики хозяйственного развития калмыков Большедербетовского улуса в условиях интенсивного перехода на оседлость.

Фрагментарная освещенность данной проблемы определила актуальность исследования. В литературе дореволюционного периода стоит отметить работы [Дуброва, 1892; Бентковский, 1879; Воробьев, 1909; Фарфаровский, 1908], в которых представлены личные наблюдения авторов о жизни и быте большедербетовских калмыков. В советский период экономическое положение калмыков Большедербетовского улуса исследовалось в трудах [Лебединский, 1925; Пальмов, 1925; Бурчинова, 1971; Ташнинов, 1973]. В работах первых двух авторов, написанных в 1920-е годы, преобладало влияние дореволюционной школы и опора на приоритет исторических фактов. Л. С. Бурчинова и Н. Ш. Ташнинов ввели в научный оборот новые опубликованные и архивные материалы, что позволило значительно обогатить содержание их исследований.

На современном этапе исследователи все больше стремятся к новому пониманию исторического развития калмыцкого общества на основе цивилизационного подхода. Вопросами экономического развития региона

занимались А. Н. Команджаев, И. В. Лиджиева, Е. Н. Бадмаева, И. В. Нахаева [Команджаев, 1999; Лиджиева, 2017; Бадмаева, 2016; Нахаева, 2000]. Можно отметить также фундаментальный коллективный труд «История Калмыкии» в трех томах [История Калмыкии..., 2009].

Изучение поставленного вопроса требует комплексного подхода с учетом уникальности и многогранности калмыцкого общества в исследуемый период. В связи с этим на современном этапе усиливается необходимость специальных исследований по данной проблеме.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализ экономического состояния населения Большедербетовского улуса проводился на основе опубликованных и неопубликованных источников. К числу первых относятся «Обзоры Ставропольской губернии», «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», ко вторым — делопроизводственные источники из фондов Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия.

«Обзоры Ставропольской губернии» представляли собой ежегодные статистические отчеты о Ставропольской губернии в целом. В них также помещалась информация о кочевниках и территории кочующих инородцев, куда и входил Большедербетовский улус. В рамках данной работы особую ценность для нас представляли таблицы, систематизирующие сведения о численности скота, «посевах и урожае хлебов».

В «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии» входили статьи ученых, общественных деятелей, являвшихся современниками исследуемых событий, данные о жизни в губернии, а также отдельным приложением выделялись количественные характеристики Ставрополя, в которых находили отражение сведения о кочевниках.

К числу неопубликованных источников, из которых нами были извлечены сведения о социально-экономическом состоянии Большедербетовского улуса, относятся фонд И-21 «Большедербетовское улусное управление» Национального архива Республики Калмыкия, а также фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии» в Государственном архиве Ставропольского края. Представленные в них ежегодные отчеты открывают нам важную информацию о многих показателях состояния Большедербетовского улуса. Это позволило нам проследить общую тенденцию экономического состояния улуса на протяжении второй половины XIX века.

Исследование осуществлялось на основе метода системного анализа, компаративном методе, принципах историзма в рамках цивилизационного и междисциплинарного подходов.

Системный анализ материала в сочетании с компаративным методом исследования позволил выстроить динамику экономического состояния населения Большедербетовского улуса, провести сравнительно-историческую характеристику экономического положения кочевого хозяйства в разные десятилетия второй половины XIX — начала XX веков. Соблюдение принципов историзма позволило рассмотреть исследуемые явления в историческом движении, а междисциплинарный подход расширил исследуемое поле событий и обеспечил более глубокое понимание исторических событий, происходивших в Большедербетовском улусе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Геоэкономическое состояние Большедербетовского улуса во второй половине XIX века

В обзоре Ставропольской губернии за 1881 год зафиксированы причины, по которым инородцы губернии (калмыки, ногайцы, туркмены) не могли и иногда не желали переходить на оседлый образ жизни. Вот как это виделось авторам обзора: «Физические и топографические условия природы везде обуславливали экономическую деятельность и самые способы жизни народов. Условия эти создали особенную форму быта кочующих в Ставропольской губернии инородцев. Если по этому у инородцев преобладает скотоводственная культура, требующая кочевой жизни, то это обуславливается прежде всего естественными и топографическими условиями страны, которые, главным образом, парализуют развитие между ними оседлой жизни и земледелия. Вследствие таких причин, оседлая жизнь между инородцами чрезвычайно туго развивается. Значительно преобладающее большинство инородцев, все еще не ведет кочевую жизнь, в полном значении слова, и это лучшая, более достаточная часть населения. Принимают душевой надел беднейшие» [Обзор..., 1882, с. 58] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Написанная в 1881 году данная заметка отчасти подтверждала причины, по которым номады не собирались расставаться с кочевым образом жизни. Однако, как показала история, неизбежный процесс включения региона степного Предкавказья в орбиту российского политического и социально-экономического пространства predetermined общественное развитие кочевых народов данного региона в сторону их постепенного перехода к оседлости, несмотря на «физические и топографические условия природы».

К моменту перехода Большедербетовского улуса под управление ставропольского губернатора в 1859 году площадь улуса составляла 872 323 десятины земли. Население улуса составляло чуть более 5100 человек [История Калмыкии..., 2009, с. 520] — цифра достаточно условная,

так как подсчет велся покибиточно. По данным А. А. Лебединского, в расчете на одного человека приходилось 170 десятин земли.

Так совпало, что после передачи улуса в состав Ставропольской губернии, немного позже, в 1861 году в России состоялась крестьянская реформа, которая привела к отмене крепостного права в стране. Данное событие и активизация правительственной политики по заселению степей стали катализатором постепенного освоения степных пространств Большедербетовского улуса крестьянами-переселенцами.

По приведенным Н. Львовским данным можно отметить, что границы улуса на протяжении второй половины XIX века значительно сократились. Если в 1861 году территория улуса составляла 600 000 дес., то в 1872 году калмыцкое население улуса занимало площадь в 373 161 дес. [Львовский, 2022, с. 33]. В 1881 году общая площадь улуса составляла 313 106 дес., из которых 226 744 было отведено для оседлых поселений, 78 166 оставалось в общем пользовании кочевников и 8 196 дес. были отмежеваны к казенным соляным озерам [Обзор..., 1882, с. 57]. Уже в 1891 году территория улуса составляла 289 835 дес.

С сокращением территориального пространства Большедербетовского улуса и обострением земельного вопроса была связана организация оброчных статей, представлявших собой казенное имущество, которое передавалось частным лицам за определенную плату. В начале XX века Ф. И. Воробьев в своей работе, рассматривая географическое положение и топографию улуса, писал, что оброчные статьи до 40 тыс. десятин занимали в основной своей массе северную часть улуса, простираясь по берегу Большого Лимана реки Западного Маныча. Также к западной стороне улуса примыкала площадь в 10 тыс. дес., и остальные оброчные статьи были разбросаны по всему улусу. Автор также отмечает, что данные оброчные статьи были образованы из участков умерших без потомства зайсангов [Воробьев, 1909, с. 3—4]. Таким образом, пространства арендных земель, в размере 53 тыс. десятин земли, к началу XX века представляли собой последние тех разграничительных мер в земельных отношениях, которые проводились на протяжении второй половины XIX века.

Стремительное сокращение земельного пространства Большедербетовского улуса было вызвано несколькими причинами. Во-первых, это земельное размежевание 1871—1873 годов: территория улуса была разделена по родам. Согласно этому размежеванию каждый род получал закрепленную за ним территорию. Эти земли предлагалось использовать под пашни, сенокосы, пастбища. Местные власти разрешали сдавать их в аренду, однако вводился запрет на их продажу [История Калмыкии..., 2009, с. 520—521]. Современник этих событий Я. П. Дуброва отмечает, что

данная земельная программа имела серьезные последствия для калмыков улуса, заставившая их изменить свой образ жизни [Дуброва, 1892, с. 190].

Другой причиной сокращения земель улуса стало отмежевание 272 323 десятин земли ногайцам Ставропольской губернии. Дополнительной и не менее важной причиной уменьшения земельного фонда улуса стала колонизация крестьянами степей Предкавказья. Нарезка переселенцам сопровождалась с согласия российской администрации, видевшей в этом условии приобщения калмыков к оседлости. Причем это не было единоразовым событием, отмежевание земель продолжалось на протяжении второй половины XIX века. Постепенно крестьянин-переселенец становился крупным арендатором земель улуса.

Такое сокращение земель стало вызовом для калмыков Большедербетовского улуса. Не имея возможности свободного кочевания по улусу, местное население стало заниматься возведением небольших построек. Вышеназванное размежевание 1871—1872 годов наделяло простолюдинов 30 дес., представителей местной аристократии — 1500 дес. земли. Для нойонов и зайсангов такое количество земли позволило сдавать их в аренду.

3.2. Изменения в животноводстве Большедербетовского улуса

Сокращение земли и прикрепление простолюдинов к территории своего рода пагубно влияли на традиционную систему хозяйствования. Кочевое животноводство калмыков в этот период наглядно демонстрировало общую тенденцию сокращения. С 1860 по 1890 годы общее поголовье в стадах Большедербетовского улуса уменьшилось с 157 860 до 48 397 голов [История Калмыкии..., 2009, с. 521].

Если в 1863 году на общее население в 6316 чел. [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 86, л. 128] приходилось 41 717 голов овец, то в 1893 году поголовье овец составляло 34 778 при численности населения в 11 765 чел. («Ведомость о численности скотоводства») [Обзор..., 1894]. Обращает на себя внимание изменение качественного состава овец. Если в 1863 году все поголовье овец относилось к калмыцкой породе, то таблица за 1893 год показывает вышеуказанное количество овец в следующем составе: 28 713 овец калмыцкой породы, 5957 тонкорунных овец, 108 смешанной калмыцкой и ногайской пород [Там же]. Изменение состава пород овец демонстрирует неизбежное изменение характера ведения овцеводства. На протяжении последней четверти XIX века в хозяйстве калмыков идет рост породы тонкорунных овец.

Более существенную разницу в поголовье можно увидеть, если сравнить 1863 и 1881 годы — 41 717 и 12 178 соответственно («Ведомость о численности скотоводства») [Обзор..., 1882]. В целом на протяжении 80—90-х годов XIX века общая динамика поголовья овец, несмотря на падеж, будет расти, демонстрируя адаптацию ведения хозяйства в рамках

оседлых поселений. В 1868 году в улусе насчитывалось 54 600 простых пород овец [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 83, л. 24], в 1900 году поголовье овец составляло 40 404 ед., из которых 31 918 были калмыцкой и волошских пород, 274 — смешанной калмыцкой и ногайской пород и 8212 тонкорунных. Для сравнения: в этот же год поголовье в Трухменском приставстве — 93 788 голов, в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве — 47 875 голов. Причем у ногайцев количество тонкорунных составляло 1000, а у туркмен не было вовсе. А вот у арендаторов на территории кочующих инородцев числилось 324 475 голов, среди которых 284 065 составляли тонкорунные овцы («Ведомость о численности скотоводства») [Обзор..., 1901]. Как мы видим, калмыцкие хозяйства по примеру крестьян-арендаторов постепенно вводили в хозяйство породы тонкорунных овец. Уже в 1904 году, по данным отчета, насчитывалось 31564 голов простых овец и 74 794 голов тонкорунных [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 188, л. 18—19].

Однако распределение тонкорунных овец по родам было различным. По данным за 1911 год, наибольшее количество овец данной породы было в Икичносовом, Абганер-Гаханкиновом, 2 Икитуктуновом, Будульчиновом, Хаджинкиновом, 1 Багатуктуновом, Бюдермис-Кюбетовом аймаках, пос. Князе-Михайловском. Общая численность поголовья тонкорунных овец составляла — 30 960 голов. В 1 Икитуктуновом, Цорос-Шеретовом, Тарачиновом, 2 Багатуктуновом, Багабуруловом породы данных овец отсутствовали [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 282, л. 217—219].

Несмотря на введение тонкорунной породы овец, хозяйства Большедербетовского улуса столкнулись с сокращением численности мериносов. Причиной такого спада, по мнению А. Н. Команджаева, стало то, что Большедербетовский улус, входящий в зону Предкавказья, был более чувствителен к колебаниям всероссийского аграрного рынка [Команджаев, 1999, с. 104].

Весьма неутешительные результаты наличия овец в хозяйствах калмыков представлял И. В. Бентковский. По данным за 1875 год, количество овец в улусе составляло 16 798 голов. Однако распределение по родам было неравномерным. 1036 из 1389 кибиток не имели овец, или почти 75 % всего населения улуса. Среди оставшихся кибиток наличие скота распределялось следующим образом (табл. 1):

Единственным крупным овцеводом был зайсанг Багатуктунова рода Намджинов [Бентковский, 1876, с. 39].

Изменения затронули коневодство, где также наблюдалось сокращение поголовья. К примеру, в 1865 году в калмыцком хозяйстве числилось 6230 голов лошадей [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 74, л. 12], в 1881 году — 2614, в 1893—1827 лошадей. По сравнению с численностью овец, численность

Таблица 1

Неравномерное распределение овец в хозяйстве калмыков
Большедербетовского улуса в 1875 году
(по данным источника [Бентковский, 1876, с. 39])

Количество кибиток	Количество овец
99	1—10
183	11—50
39	51—500
18	101—200
13	201—500
1	501—1000

лошадей сократилось почти в 3 раза. Даже к началу XX века численность лошадей уже не достигнет уровня середины XIX века. В 1904 году их численность составляла 3742 голов [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 188, л. 18—19].

По данным за 1875 год, в улусе состояло 1389 кибиток, среди которых 424 кибитки вовсе не имели лошадей, 720 — 1 лошадь, 148 — 2 лошади, 38 — 3 лошади, 24 — от 4 до 10 лошадей, 5 — от 11 до 20 лошадей, 20 — от 21 до 50 лошадей, 8 — от 51 до 100 лошадей, 2 — от 101 до 200 лошадей и 1 кибитка имела в наличии свыше 300 лошадей [Бентковский, 1876, с. 21].

Помимо падения функциональной значимости лошадей в условиях перехода к оседлости спад количества лошадей объяснялся также отсутствием спроса со стороны государства. И. В. Бентковский в 1868 году в своей статье отмечал что ремонтерам (поставщикам лошадей для кавалерии) запрещалось покупать в кавалерийские полки лошадей «калмыцких заводов» [Бентковский, 1868, с. 119]. Этот же автор уже в 1876 году, приводя данные по табунному коневодству Ставропольской губернии, при перечислении табунладельцев и численности лошадей Большедербетовского улуса отмечал, что «в ремонт лошади не покупаются» [Бентковский, 1876, с. 18]. Как следствие, основные возможности сбыта лошадей представлялись калмыкам через местные рынки и ярмарки. Средняя стоимость мерина составляла 50 руб., матки от 30 до 60 руб., жеребца от 50 до 90 руб. [Бентковский, 1876, с. 18].

Разведение рогатого скота (рабочий вол, дойная корова, гулевой и мелкий скот) кочевниками служило индикатором степени освоения земледелия. Здесь стоит отметить, что по данному показателю распределение количества рогатого скота по родам улуса было неравномерным. В 1875 году в Большедербетовском улусе из 1389 кибиток число не имеющих рабочих

волов составляло 1094 кибиток, или 78,8 % [Бентковский, 1876, с. 29]. Калмыки Тарачинерова и Абганерова родов в составе 49 кибиток не имели не одной пары рабочих волов. Калмыки Шеретова рода (5 кибиток) и Будулчинерова рода (58 кибиток) имели лишь по одной паре. Икитуктунов род во главе с зайсангом Лапином Опогиновым в составе 74 кибиток содержал 124 пары волов, Багатуктунов род зайсанга Намжинова (199 кибиток) имел 118 пар волов [Бентковский, 1876, с. 30].

Наряду с сокращением у калмыков поголовья скота происходили изменения в повидовом составе стада. Традиционное кочевое животноводство калмыков состояло в разведении лошадей, верблюдов и овец. Как отмечал И. В. Бентковский, «только лошадь даст возможность делать стремительные набеги и дальние переходы, только верблюд давал тогда единственные средства к передвижению необходимых, хоть и несложных тяжестей, только эти животные, вместе взятые, могли обеспечить вполне потребности жизни невзыскательных номадов» [Бентковский, 1868, с. 114]. Данный тип ведения хозяйства постепенно стал терять актуальность, требуя от калмыков приобщения к разведению новых видов животных и пород скота в рамках стационарных жилищ.

Сокращение поголовья скота стало причиной массового обеднения простолюдинов. Сокращение поголовья скота у кочевников было равноценным процессу обезземеливания крестьянина-земледельца. Большая часть населения, в распоряжении которого было небольшое количество скота или его не было вовсе, была вынуждена прибегать к наемной работе в селах и городах Ставропольской губернии. С получением земли в результате размежевания 1871—1873 годов простолюдины смогли сдавать ее в аренду, получая при этом минимальную сумму. По словам А. А. Лебединского, причиной сокращения поголовья скота у калмыков были суровые природные условия: гололедицы, снежные зимы и сильные бури. Эпизоотии также были причиной массового падежа скота. Кроме того, обеднение скотом было вызвано существующим социально-экономическим строем, эксплуатацией калмыков крестьянами-переселенцами [Лебединский, 1925, № 2, с. 121].

3.3. Развитие земледелия у калмыков Большедербетовского улуса

Таким образом, большая часть калмыков-простолюдинов, лишившись своего основного источника пропитания и не имея возможности продолжать разведение скота, устраивались на наемную работу.

Однако в сложившихся обстоятельствах, характеризующихся нуждой в пропитании и поиском новой хозяйственной деятельности, калмыки нашли и другой выход — занятие земледелием. В отчетах Главного пристава кочующих народов, начиная с 1860-х годов, постепенно появляется

информация о посеве и сборе урожаев кочевыми народами. Можно согласиться с точкой зрения А. А. Лебединского, что «не с ветра было навеяно у калмыка желание поселиться оседло, связанное с мыслью о занятии земледелием»; в среде простолюдинов оно было вызвано таким фактором, как массовое обеднение скотом [Лебединский, 1925, № 2, с. 122—123].

В приведенных за 1869 год данных об оседлых поселениях инородцев Ставропольской губернии отмечалось, что из всех кочующих народов губернии калмыки не имели оседлых поселений. Исключением было немногочисленное число зайсангов, которые получили в надел значительные участки казенной земли [Сборник ..., 1869, Отдел II, с. 97]. К числу таких относился Лапин Опогинов, в котором местная российская администрация видела направляющую силу, ведущую калмыцкое общество к оседлости. В 1860-е годы, получив в надел 11 тыс. десятин земли, он «изъявил готовность поселиться вместе со своими однохотонцами» [Ланко, 1868, с. 78].

Заниматься земледелием калмыки стали постепенно, расширяя объемы распаханых земель, увеличивая число земледельческих культур. В 1868 году зайсанг Лапин Опогинов с его аймачными калмыками на отведенных ему землях на урочище Хагин Сала произвели посев ярового хлеба, распахав 20 десятин из 11 100 десятин, выделенных им под оседлость, и сняли урожай: было посеяно 8 четвертей зерна, собрано — 100 четвертей [НАРК, ф. И-21, оп. 1, д. 83, л. 21]. Земли, отведенные под оседлость зайсангу Лапину Опогинову, по всей вероятности, предоставлялись под гарантии посева зерновых. Одновременно с ним предусматривалось перевести на оседлость его калмыков-простолюдинов.

Современник исследуемого периода, бывший главным приставом кочующих народов в губернии, П. Ланко отмечал, что садоводство и огородничество составляли одно из успешнейших и наиболее практических средств в деле приобщения калмыков к оседлой жизни [Ланко, 1868, с. 76]. Также этот автор указывал, что калмыки, видя «действительную пользу для себя от этих нововведений», в 1866 году составили общественный приговор о выделении из их капитала 1500 руб. серебром для разведения общественного сада и огорода. Другой общественный приговор предоставлял 1000 руб. серебром для закупки земледельческого оборудования и найма русских работников, «чтобы последние приспособили бы их научить пахать землю» [Ланко, 1868, с. 78].

Таким образом, при поддержке местной администрации и учрежденного общественного капитала калмыки Большедербетовского улуса активно вовлекались в земледельческую деятельность.

О динамике перехода калмыков к оседлости свидетельствовал рост числа стационарных построек. В 1860 году, согласно отчету, в улусе

имелось 6 домов, 1 хурул, 9 цац (буддийских ступ) и также 6 хурулов, помещавшихся в кибитках [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 40, л. 15—15 об]. В 1881 году в улусе было 69 домов, в основном принадлежавших духовенству и зайсангам. В 1900 году в Большедербетовском улусе насчитывалось 5 культовых сооружений (церкви и хурулы), 11 деревянных домов, 955 домов из земляного кирпича, 5 мельниц и 1539 других различных помещений. Итого в улусе числилось 2510 построек [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 165, л. 19—20]. Такое многократное увеличение построек свидетельствовало об интенсивности данного процесса, особенно ускорившегося с 1880—1900 годов.

Возрастающая роль земледелия в степях Большедербетовского улуса подтверждается сведениями об увеличившихся объемах посевов и сборов урожая и о разнообразии возделываемых земледельческих культур в 1880—1900-х годах (табл. 2).

Таблица 2

Объемы посевов и сборов урожая в 1881 и 1904 годах (составлено по источнику: Обзор Ставропольской губернии за 1881, ведомость о посеве и урожае хлебов [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 188, л. 16—17])

	1881 г.	1904 г.
ПОСЕЯНО ЧЕТВЕРЕЙ		
Озимая пшеница	184	22836
Рожь	—	1141
Яровая пшеница	8	11172
Овес	6	3763
Ячмень	—	3212
Просо	2	961
Горчица	—	254
Лен	25	172
СОБРАНО ЧЕТВЕРТЕЙ		
Озимая пшеница	1761	87049
Рожь	—	4009
Яровая пшеница	54	46648
Овес	31	14775
Ячмень	—	21657
Просо	25	2057
Горчица	—	508
Лен	180	182

Такие большие объемы посевов и сборов урожая в 1904 году были связаны с тем, что в статистику, помимо калмыцкого хозяйства, также включались хозяйства крестьян-поселенцев и арендаторов. Вышеуказанные цифры также свидетельствуют о значительных земельных угодьях, отданных под посевы.

С момента размежевания земель Большедеребетовского улуса в начале 1870-х годов на законных основаниях крестьяне могли получать в аренду земли улуса. Начиная с этого периода фиксируется неуклонный рост поголовья скота и посевных площадей у поселившихся в степях арендаторов. Например, крестьянами в 1878 году было посеяно 95 четвертей и собрана 331 четверть озимой пшеницы [Лебединский, 1925, № 3, с. 53]. Соответственно, в 1890 году (неурожайный год для губернии) это соотношение было следующим — 2067 и 1238. Площадь обработки земли арендаторами в 1890 году составила 8608 дес. земли, калмыками — 2453 дес. [Там же, с. 57].

Таким образом, крестьяне, став основными арендаторами калмыцких земель, смогли многократно увеличить свои земельные наделы, на которых выращивали хлеб и содержали скот. Объемы посевов, произведенных калмыками, уступали таковым у арендаторов по причине отсутствия навыков и технических инструментов. В 1890-е годы в Багабуруловом роде калмыками было засеяно 696 дес., а русскими крестьянами 2553 дес., калмыками под озимые хлеба было засеяно 216 дес., под яровые — 480 дес., арендаторами под озимые — 990 дес., под яровые — 696 дес. Рост посевных площадей крестьянских хозяйств обуславливался также низкими арендными ценами, которые варьировались от 30 коп. до 2 руб. 50 коп. [Лебединский, 1925, № 3, с. 62].

Таким образом, возможность за низкую плату арендовать калмыцкие земли позволила крестьянам активно осваивать степные просторы Большедеребетовского улуса. Наличие сельскохозяйственной техники, большой опыт разведения зерновых культуры дали им огромное преимущество по сравнению с калмыками. С другой стороны, последние, стесненные в своих владениях, лишаясь поголовья, слабо адаптировались к новым условиям, это требовало времени. Отсутствие навыков земледелия, которое не компенсировалось даже близким соседством с крестьянами, делало малоэффективным распашку земель и посев хлебов. Это было причиной того, что большая часть калмыцких простолюдинов передавала свои земли в аренду, по большей части на невыгодных условиях. Лишь богатый калмык или крепкий середняк мог позволить себе выгодный посев и сбор урожая.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, представленный обзор экономического положения калмыков позволяет судить о том, что на протяжении второй половины

XIX века происходила постепенная пауперизация кочевого населения, вызванная изменениями их традиционного уклада жизни, сокращением территориального пространства для скотоводства — важнейшей хозяйственной отрасли кочевников. Постепенно основная масса кочевников-простолюдинов переходила в разряд сельскохозяйственного пролетариата и стала источником дешевой рабочей силы в регионе.

Расширение общероссийского рынка и включение в него региона степного Предкавказья, формирование торговой буржуазии, освоение крестьянами степных территорий, активная политика царского правительства в отношении кочевников по переходу их к оседлости определили структурные изменения хозяйственного и общественного уклада жизни кочевников.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСК — *Государственный* архив Ставропольского края. Ф. 249. (Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии). Ф. 249. Оп. 2. Д. 86. Л. 128 ; Ф. 249. Оп. 2. Д. 40. Л. 15—15 об.
2. НА РК — *Национальный* архив Республики Калмыкия. Ф. И-21. (Большедербетовское улусное управление). Ф. И-21. Оп. 1. Д. 74. Л. 12 ; Ф. И-21. Д. 83. Л. 21, 24 ; Ф. И-21. Д. 165. Л. 19—20 ; Ф. И-21. Д. 188. Л. 16—17, 18—19 ; Ф. И-21. Д. 282. Л. 217—219.

Литература

1. *Бадмаева Е. Н.* Крестьяне-переселенцы из малоземельных регионов России в Калмыкии в XIX — первой половине XX вв. / Е. Н. Бадмаева // *Былые годы.* — 2016. — № 4. — С. 1173—1181.
2. *Бентковский И. В.* Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? / И. В. Бентковский // *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии* / под. ред. Н. Н. Черноморского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1868. — Выпуск 1., Отдел 1. — С. 105—112.
3. *Бентковский И. В.* Одна из причин задерживающих развитие коннозаводства в Большедербетовском улусе / И. В. Бентковский // *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии* / под. ред. Н. Н. Черноморского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1868. — Выпуск 1., Отдел 1. — С. 113—122.
4. *Бентковский И. В.* Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 году / И. В. Бентковский // *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии* / под. ред. И. В. Бентковского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1876. — Выпуск 7, Отдел 1. — С. 1—42.
5. *Бентковский И. В.* Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии / И. В. Бентковский. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1879. — 62 с.

6. Бурчинова Л. С. Источники и литература об экономическом развитии Калмыкии периода утверждения капитализма в России (вторая половина XIX в.) / Л. С. Бурчинова. — Элиста : КНИИЯЛИ, 1971. — 47 с.

7. Воробьев Ф. И. Очерк Большедербетовского улуса. Природа и хозяйство на свободных калмыцких землях / Ф. И. Воробьев. — Ставрополь-Кавказский : Типо-Литография Т. М. Тимофеева, 1909. — 60 с.

8. Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892 года / Я. П. Дуброва. — Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1898. — 239 с.

9. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3 т. — Элиста : ГУ «Издательский дом Герел», 2009. — Т. 1. — 751 с.

10. Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX — начале XX века : исторический опыт и современность / А. Н. Команджаев. — Элиста : АПП «Джангар», 1999. — 262 с.

11. Ланко П. З. Отрывки из записок о калмыках Большедербетовского улуса / П. З. Ланко // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии / под ред. Н. Н. Чернойарского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1868. — Выпуск 1., Отдел 1. — С. 73—81.

12. Лебединский А. А. Большедербетовский улус во второй половине XIX века : социально-экономический очерк / А. А. Лебединский // Калмыцкая область. — 1925. — № 2. — С. 99—123.

13. Лебединский А. А. Большедербетовский улус во второй половине XIX века : социально-экономический очерк / А. А. Лебединский // Калмыцкая область. — 1925. — № 3. — С. 52—69.

14. Лиджиева И. В. Торги по продаже права аренды земельных участков в Большедербетовском улусе : практические особенности / И. В. Лиджиева // Magna Adurgit : Historia Studiorum. — 2017. — № 2. — С. 14—21.

15. Львовский Н. В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии : монография — 2-е изд. / Н. В. Львовский. — Элиста : КалмНЦ РАН, 2022. — 156 с. — ISBN 978-5-906881-93-9.

16. Нахаева И. В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX — начале XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. / И. В. Нахаева. — Ставрополь, 2000. — 299 с.

17. Обзор Ставропольской губернии за 1881. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1882. — 69 с.

18. Обзор Ставропольской губернии за 1893. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1894. — 46 с.

19. Обзор Ставропольской губернии за 1900. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1901. — 39 с.

20. Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь / Н. Н. Пальмов // Калмыцкая область. — 1925. — № 2. — С. 124—145.

21. Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь / Н. Н. Пальмов // Калмыцкая область. — 1925. — № 3. — С. 70—108.

22. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии / под ред. Н. Н. Чернойарского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1869. — Выпуск 2., Отдел 2. — С. 97—108.

23. Ташнинов Н. Ш. Большедербетовский улус в конце XVIII — начале XX вв. / Н. Ш. Ташнинов // Этнографический вестник. — Элиста : КНИИЯЛИ, 1973. — Выпуск 3. — С. 144—172.

24. Фарфоровский С. В. Полукочевые народы Северного Кавказа (опыт историко-культурной монографии). Калмыки Ставропольской губернии / С. В. Фарфоровский. — Ставрополь : [Б. и.], 1908. — 42 с.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023,
одобрена после рецензирования 22.10.2023,
подготовлена к публикации 26.10.2023.

Material resources

GASK — *State Archive of the Stavropol Territory*. F. 249. (*Office of the chief bailiff of the nomadic peoples of the Stavropol province*). F. 249. Op. 2. d. 86. L. 128; F. 249. Op. 2. D. 40. L. 15—15 vol. (In Russ.).

ON RK — *National Archive of the Republic of Kalmykia*. F. I-21. (*Bolshederbetovsky ulus management*). F. I-21. Op. 1. D. 74. L. 12; F. I-21. D. 83. L. 21, 24; F. I-21. D. 165. L. 19—20; F. I-21. D. 188. L. 16—17, 18—19; F. I-21. D. 282. L. 217—219. (In Russ.).

References

Badmaeva, E. N. (2016). Peasants-migrants from small—land regions of Russia in Kalmykia in the XIX — first half of the XX centuries. *Bygone years*, 4: 1173—1181. (In Russ.).

Bentkovsky, I. V. (1876). Materials for statistics of the economic state of the Stavropol province in 1875. In: *Collection of statistical information about the Stavropol province*, 7 (1). Stavropol: Type. of the Provincial Government. 1—42. (In Russ.).

Bentkovsky, I. V. (1868). One of the reasons delaying the development of horse breeding in Bolshederbetovsky ulus. In: *Collection of statistical information about the Stavropol province*, 1 (1). Stavropol: Type. of the Provincial Government. 113—122. (In Russ.).

Bentkovsky, I. V. (1879). *Review of horse breeding in the North Caucasus in its former and current state*. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial Government. 62 p. (In Russ.).

Bentkovsky, I. V. (1868). Do the waters and steppes of Bolshederbetovsky ulus correspond to the conditions of colonization of the Kalmyks? In: *Collection of statistical information about the Stavropol province*, 1 (1). Stavropol: Type. of the Provincial Government. 105—112. (In Russ.).

Burchinova, L. S. (1971). *Sources and literature on the economic development of Kalmykia during the period of the establishment of capitalism in Russia (the second half of the XIX century)*. Elista: KNIYALI. 47 p. (In Russ.).

Collection of statistical information about the Stavropol province, 2 (2). (1869). Stavropol: Type. of the Provincial Government. 97—108. (In Russ.).

Dubrova, Ya. P. (1898). *The life of the Kalmyks of the Stavropol province before the publication of the law of 1892*. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University. 239 p. (In Russ.).

Farforovsky, S. V. (1908). *Semi-nomadic peoples of the North Caucasus (experience of historical and cultural monograph)*. *Kalmyks of Stavropol province*. Stavropol: [b. I.]. 42 p. (In Russ.).

- Komandzhaev, A. N. (1999). *Economy and social relations in Kalmykia at the end of the XIX — beginning of the XX century: historical experience and modernity*. Elista: APP “Dzhangar”. 262 p. (In Russ.).
- Lanko, P. Z. (1868). Excerpts from notes on the Kalmyks of Bolshederbetovskiy ulus. In: *Collection of statistical information about the Stavropol province, 1 (1)*. Stavropol: Type. of the Provincial Government. 73—81. (In Russ.).
- Lebedinsky, A. A. (1925). Bolshederbetovskiy ulus in the second half of the XIX century: socio-economic essay. *Kalmyk region*, 2: 99—123. (In Russ.).
- Lebedinsky, A. A. (1925). Bolshederbetovskiy ulus in the second half of the XIX century: socio-economic essay. *Kalmyk region*, 3: 52—69. (In Russ.).
- Lidzhieva, I. V. (2017). Auctions for the sale of the right to lease land plots in Bolshederbetovskiy ulus: practical features. *Magna Adurgit: Historia Studiorum*, 2: 14—21. (In Russ.).
- Lvovsky, N. V. (2022). *Kalmyks of Bolshederbetovskiy ulus of Stavropol province: monograph — 2nd ed.* Elista: KalmSC RAS. 156 p. ISBN 978-5-906881-93-9. (In Russ.).
- Nakhaeva, I. V. (2000). *Social stratification among nomadic peoples of the steppe Pre—Caucasus in the XIX — early XX century*. PhD Diss. Stavropol. 299 p. (In Russ.).
- Palmov, N. N. (1925). Settlement of Kalmyks and Russian immigration to the Kalmyk steppe. *Kalmyk region*, 2: 124—145. (In Russ.).
- Palmov, N. N. (1925). Settlement of the Kalmyks and Russian immigration to the Kalmyk steppe. *Kalmyk region*, 3: 70—108. (In Russ.).
- Review of Stavropol province for 1893.* (1894). Stavropol: Printing house of Stavropol Provincial Government. 46 p. (In Russ.).
- Review of Stavropol province for 1900.* (1901). Stavropol: Printing house of Stavropol Provincial Government. 39 p. (In Russ.).
- Review of the Stavropol province for 1881.* (1882). Stavropol: Printing house of the Stavropol Provincial Government. 69 p. (In Russ.).
- Tashninov, N. S. (1973). Bolshederbetovskiy ulus at the end of the XVIII — early XX centuries. In: *Ethnographic Bulletin*, 3. Elista: KNIYALI. 144—172. (In Russ.).
- The history of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes, 1.* (2009). Elista: GU “Publishing House Gerel”. 751 p. (In Russ.).
- Vorobyov, F. I. (1909). *An essay of Bolshederbetovskiy ulus. Nature and economy on the free Kalmyk lands*. Stavropol-Kavkazskiy: Typo-Lithography by T. M. Timofeev. 60 p. (In Russ.).

*The article was submitted 10.09.2023;
approved after reviewing 22.10.2023;
accepted for publication 26.10.2023.*